

**Российская, этническая и республиканская идентичность:
конкуренция или совместимость.**

Изучая идентичность, каждая научная дисциплина опирается на своё видение этого феномена, свою методологию и методику. В данной работе мы исходим из социологического подхода к анализу идентичностей. В центре внимания - соотнесение личности с группой, представления о группе, социальные механизмы самоопределения индивидов в многообразных группах, в данном случае этнической, локальной - республиканской, общероссийской. Каждая из них включает в себя индивидуальную и коллективную идентичность разного масштаба и содержания.

Мы исходим из широкого понимания идентичности. Компонентами идентичности являются: самоидентификация (отнесение себя к этнической группе, локальной, государственной общности), представления о своей группе - "образ мы" и интересы, которые связывают эмоционально окрашенное отношение к таким образам с поведением людей и групп (регулятивная составляющая идентичности).

В "образ мы" включаются автостереотипы, которые формируются на основании соотнесения с гетеростереотипами (представлениями "о других"), а также представления о культуре, языке, территории проживания, историческом прошлом, государственности.

Весь этот набор, как правило, присутствует на групповом уровне самосознания, идентичности. Он находит отражение в мифах, легендах, литературе, произведениях художественного творчества (триумфальные арки, гербы и т.п.), в текстах средств информации, выступлениях лидеров и т.д..

"Коллективные представления" - наиндивидуальные феномены сознания (Э. Дюркгейм), они имеют собственное содержание и не сводятся к сумме индивидуальных сознаний.

На индивидуальном уровне мы, как правило, не фиксировали полного набора представлений. Например, во время опросов 1992 г. среди русских москвичей примерно четверть идентифицировали себя по языку, другая четверть по культуре, примерно 20 % - по общности исторической судьбы и т.д. Особенно часто это происходит, когда вопрос задаётся открытым (без подсказок - ответов), между тем на идеологическом уровне русского национального самосознания, идентификации, конечно, мы имеем полный набор всех представлений.

Этот уровень идентичности изучается по литературе, прессе, мифам, дискурсу политических выступлений, институциональных документов.

В нашем исследовании мы в известной мере соединяем социально-психологический и идеологический уровни изучения идентичности. Но в целом это, видимо, задача всего проекта.

Представляя результаты изучения социально-психологического уровня идентичности поясним, что к социальным представлениям мы относим не любые идеи, взгляды, теории, а лишь те, которые входят в сферу повседневного сознания людей, становятся "продуктом здравого смысла" (концепция С. Московичи и его последователей), способны регулировать поведение людей.

Не все идеологемы, идеи, задаваемые институтом государственной власти, политической, "интеллектуальной" (художественно-творческой, научной) элитой становятся представлениями людей. Вспомним Э. Хобсбаума - "Изобретение традиции" бывает успешным тогда, когда трансляция послания элит происходит на той частоте, на которую настроены массы.

Наш концептуальный подход изучения идентичностей полипарадигмальный. Мы консолидируемся с Р. Суни в том, что нация и этнонация результат взаимодействия процессов политического конструирования и культурного соединения.

Социально-психологический подход (Taifel H.) мы соединяем с изучением сетевых социальных отношений в сообществах (Warner W.L.).

Использование идентичности как концепта в статьях и журналах за 90-ые годы по различным направлениям социальных наук значительно возросло с практически нулевого уровня до 14 000 в 1999 г. (Social Science Citation Index).

В измерениях категориальности и интервальности наиболее эффективным оказывается рассмотрение идентичности в трёх направлениях – содержания, интенсивности и конкурентности (contestation).

Мы постараемся показать:

1. насколько те или другие виды идентичности являются "удовлетворением для души" и насколько "для своего кармана" (С.Наyes);
2. насколько интенсивна каждая из идентичностей;
3. основное содержание каждой идентичности;
4. конкурентность или совместимость этих идентичностей в современной России.

Источником для рассмотрения проблем будут служить результаты социологических исследований, которые мы проводили в 1994, 1999 гг. по сопоставимой программе и выборке в Татарстане, Саха (Якутии), Северной Осетии (Алании) - 1000 респондентов в каждой республике (см. карту) (Обоснование выборки см. *Л.М. Дробижева, А.Р. Аклаев, В.В. Коротева, Г.У. Солдатова* "Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-ых гг.", М., 1996, с. 7-9; "Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России", М., 1996, с. 373-376). Для сопоставления приводятся некоторые данные по Оренбургской области, где живут русские и татары (за пределами республики). Некоторые данные на 2002 г. любезно предоставлены нам Д. Бари-Бартлет, в исследовании которой я была приглашена участвовать.

Кроме того, мы используем данные глубинных интервью, проведённых мною с представителями элитных групп.

Представители элиты - 34 человека в каждой республике были отобраны на основе данных массовых опросов, в ходе которых респонденты отвечали на вопрос "Кто, с Вашей точки зрения, лучше других выражает интересы людей Вашей национальности?" - и затем

проводился опрос экспертов из аппаратов президентов республик, учёных и наиболее влиятельных партий. Их мы просили назвать людей, которые, с их точки зрения, в наибольшей мере влияют на выработку и принятие важнейших решений, на общественное мнение в республике (нами используется определение элиты по Pareto., Hingley, Дискин). Так отбирался корпус представителей элиты. 110 интервью, собранных в 1995 г., опубликованы в книге "Говорит элита республик Российской Федерации. 110 интервью Леокадии Дробижевой", М., 1996.

112 интервью, собранных в 1999 г., не опубликованы, и часть из них мы используем для понимания того, почему в массовом общественном сознании существуют те или другие идентичности.

В рамках одной статьи мы, конечно, не можем изложить все результаты изучения российской, республиканской и этнической идентичности. Представим те из них, которые в наибольшей мере связаны с целями нашего общего Проекта.

Актуальность и интенсивность интересующих нас идентичностей

Все три вида идентичностей, которые мы рассматриваем, в человеческом восприятии вписываются в другие множественные идентичности и на уровне личности в большинстве случаев в более-менее спокойной социально-политической обстановке отнюдь не являются доминирующими. Если мы специально не ориентируем наших респондентов на обсуждение этнической, республиканской или общегосударственной идентичности, то они не часто актуализируют её.

Выяснение значимости этих идентичностей осуществлялось с помощью известного в социологии и психологии теста Куна - Макпартленда. Респондента просят дать 5 ответов на вопрос "Кто я?" По устной инструкции интервьюер просил назвать наиболее важные для респондента характеристики.

Как правило, этнические категории составляли в наборе всех самоопределений в 1994 г. (когда воспоминания о национальных движениях, конфликтах были ещё очень свежими) не более чем 6 - 14 %.

Конечно, они были актуализированы в ситуациях конфликтов, особенно насильственных (в Северной Осетии-Алании).

Гражданская идентичность в групповых идентификационных матрицах тоже не занимала большого места.

Базовые категории доминируют у всех национальностей. К базовым категориям нами отнесены такие самоопределения, как человек, семейные, ролевые, гендерные и профессиональные. Они составляют от 50 до 70 % всех самоидентификаций. Религиозная принадлежность выступает как поддерживающая этническую.

Этнические самоопределения респонденты давали себе чаще, чем называли себя гражданами России или локального сообщества (см. рис. 1). Наиболее выраженной этнической идентичностью была у осетин и русских в Северной Осетии - Алании. Общая постконфликтная ситуация с Грузией по поводу возможного присоединения Южной Осетии, наплыв беженцев из района конфликта и затем насильственные столкновения с осетинами и ингушами, естественно, не давали забыть всем жителям этого региона о своей этничности.

Но надо сказать, что эта ситуация обостряла и республиканское и российское самосознание. По результатам опросов было очевидным, что для осетин и русских, причём для последних даже в большей степени, принадлежность к республике и России имело намного большее значение, чем для жителей других регионов.

Казалось бы, в Татарстане и Саха (Якутии) начало 90-ых гг. было временем прямых последствий провозглашения суверенитетов, принятия конституций, в Татарстане - проведения референдума и этнополитического конфликта с Москвой. Солидаризация в республике, а для русских значимость российской общности могли бы существенно повыситься. Но как мы видели, на уровне личностной самоидентификации это сильно не сказывалось. Это не значит, что не менялись ориентации на солидарность внутриреспубликанскую или российскую. Пока мы демонстрируем интенсивность этнической идентичности в сравнении с другими.

Достаточно значимый уровень её сохранялся и к рубежу веков. В опросах 1999 г. мы задавали вопрос в следующей формулировке: "Встречая

в жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, понимаем их. Иные же, хоть и живут рядом, остаются всегда чужими. Если говорить о Вас, то как часто Вы ощущаете близость, единство с перечисленными ниже людьми, о ком Вы могли бы сказать - это мы?" Далее шло перечисление, приведённое ниже. Для примера мы приводим результаты опросов по городским татарам Татарстана.

Табл. 1. Интенсивность этнической, республиканской и российской государственной идентичности (в % к опрошенным)

Идентификации	ни			
	часто	Иногда	когда	н/з
1. С людьми моего поколения, возраста	64,809	27 5,662	4,9853	2,639
2. С людьми той же профессии, рода занятий	54,252	29,619	9,677	6,452
3. Со всеми гражданами России	17,889	35,7277	31,6723	1 4,663
4. С жителями Республики Татарстан	24,927	42,522	20,5283	1 2,023
5. С теми, кто живёт в том же городе (се-ле), что и я	34,897	48,680	9,384	7,038
6. С людьми моей национальности	43,988	39,2962	9,091	7,125
7. С людьми того же достатка, что и я	50,440	33,431	7,0383	9,091
8. С людьми, близкими мне по политическим взглядам	26,100	26,100	22,287	25,513
9. С людьми моей веры	40,762	28,3932	13,1963	19,648

10. Другое (указать, с кем именно)				
------------------------------------	--	--	--	--

Тенденции подтверждались прежние. Ни этническая, ни республиканская или общероссийская идентичность не была на приоритетных местах в сравнении с другими, более важными для людей идентичностями - поколенческими, профессиональными, статусными.

Среди идентичностей, представлявших для нас исследовательский интерес, на первом месте у татар, якутов, русских¹ везде шла этническая, далее следовала республиканская и затем российская. Причём у русских в Саха (Якутии) последняя опережала республиканскую (71 % против 60 %). У татар и русских в Татарстане российская идентичность на 6 - 10 пунктов уступала республиканской в 1999 и 2002 гг.

Русские в Татарстане казалось бы находятся в центре России - одну ночь надо проехать, чтобы прибыть в столицу страны, тем не менее у них менее значима российская идентичность, чем у живущих в далёкой Саха (Якутии), где русские нередко говорили нам "у вас в России". Видимо, имеет значение то, что только треть русских являются уроженцами Саха (Якутии), ещё примерно треть живёт там 20 лет, а остальные ещё меньше. Многие из них приехали туда за заработками, значительная часть локализована в своей среде, трудится с якутами в разных производственных нишах, межэтнические отношения сложнее, чем в Татарстане, поэтому у них, конечно, чаще в идентификационной матрице присутствует российскость.

В Татарстане же республиканская солидарность подпитывалась политикой региональной власти, избежавшей шоковой терапии, демонстрировавшей баланс этнических интересов, в то время, как Центр не раз задевал чувства не только татар, но и русских, называя республику то "феодальной", то коммунистической, то исламской.

В 2002 г. все три вида идентичности выросли. Но соотношение их не изменилось. Этническая идентичность более выражена, актуальна,

¹ По осетинам мы не располагаем данными по этому вопросу на 1999 г.

интенсивна. Можно говорить о *чувстве этнической солидарности*. Это подтверждается и выбором респондентами ответа "Современному человеку необходимо ощущать себя частью своего народа". Его сделали более 60 % городских татар, около 80 % якутов, примерно половина русских в республиках и Оренбургской области. Для чего важно?

Этничность как социальный ресурс

Вспомним Хейса, который полагал, что этничность - "удовлетворение для души" и "для своего кармана". Вспомним инструменталистов, которые считают этничность ресурсом для экономического, социального благополучия (Laitin, D. 1998). Для нас было важным установить, насколько выводы учёных отражают современные представления в массовом общественном мнении.

Судя по результатам опросов 1999 г., более 69 % русских и 40 % татар были уверены, что у татар больше возможностей занять высокий пост в республике, более 50 % русских и 26 % татар полагали, что татарам легче получить хорошо оплачиваемую работу. Такие же представления были у русских и якутов в Саха (Якутии). А в Оренбургской области это касалось русских в представлении их самих и татар, живущих в области см. табл. 3, 4, 6 - для сравнения 5). Не столь многим, но всё же где-то около одной пятой опрошенных в Татарстане и Саха (Якутии), казалось, что и "открыть своё дело" проще лицам титульной национальности.

Эти оценки фокусированы на социальном поле конкурентных взаимодействий - власть, должность, бизнес.

Конечно, на такие оценки может влиять изменение статуса контактирующих этнических групп. Поколеблен статус русских как "старшего брата", полагали, что получили суверенитет титульные народы, и следствием этого были не только реальные ролевые изменения, но и приписывания. Но важно, что значимость этнической идентичности росла в глазах людей.

Не раз доказанная "теорема Томаса", согласно которой, социальная ситуация, воспринимаемая людьми как реальная, реальна по своим последствиям, - работала и на нашем поле. Данные объективных показателей - социальной мобильности (доля повысивших социальный

статус), инновационные установки - готовность ради успеха сменить место работы, жительства, специальность, пойти на риск - у титульных национальностей были во всех изучаемых районах несколько выше, чем у русских. Таким образом, этничность действительно стала одним из ресурсов. Ресурсов "для кармана". Но не только.

Уже не раз мы отмечали, что в условиях, когда бывшие граждане СССР потеряли свою прежнюю государственную идентичность, веру в правильность своего исторического выбора и реальность многих достижений, когда значительная часть населения меняла свой привычный социальный статус, этническая солидарность стала представляться им ценностью неизменной, давала некоторую психологическую поддержку.

В поликультурной среде этническая идентичность приобретает особую чувствительность и к самооценке, и к оценке себя другими - другими на уровне повседневного общения и на уровне деклараций властных элит, в дискурсе СМИ, в текстах учебников, научной и художественной литературы. Все, кто изучает этничность, легко могут привести множество примеров подобных реакций. Достаточно вспомнить, как реагируют татары и русские на изменение содержания, которое вкладывается в понятия "татарское иго", "штурм" или "взятие" Казани и т.п.

Чувство достоинства - неизменный спутник, а иногда и главный работающий элемент в этнической идентичности. В таблице 7 находит отражение его значимость для самочувствия людей.

Практически у всех этнических групп это - второй по значимости фактор после возможности получить образование. Чувство достоинства важнее даже в сравнении с возможностью получить работу независимо от национальности и приобрести собственность. Причём, за исключением одного случая (татары в сёлах), данные близкие по значениям и сходные в одинаковых социокультурных условиях.

Мне уже приходилось писать, что и отношение к суверенитету республик связано не только с реальными экономическими и политическими интересами элит и представлениями масс о "чуть лучшей жизни за счёт него", но и чувством компенсируемого достоинства -

этнонационального для титульных национальностей, но в известной мере и для регионального самочувствия всех, живущих в республиках. В этом региональном самочувствии осталось ещё недавнее унижающее историческое воспоминание о поездках в Москву "за колбасой", да и теперешнее представление о несправедливости распределения благ для человека по параметру Центр - периферия. Итак, этничность, так же как и региональность, нужна не только "для кармана"

Кто и какие они, этнизированные акторы?

Для политиков и политологов, так же как и для социологов, отслеживающих направления и локализацию социальной напряжённости, имеет значение выяснение того, кто эти группы, которые акцентируют этничность среди других видов идентичностей. Предполагается, что в случае её более высокой актуализации и интенсивности, этнические интересы будут чаще управлять поведением людей. Отсюда стремление конструкторов деполитизации этничности акцентировать множественность идентичностей (В.А. Тишков).

Наш опыт изучения этничности и межэтнических отношений даёт основание для выводов, что для снятия интенсивности этнической идентичности важно отнюдь не одно, а несколько условий. Для того, чтобы точнее определить эти условия, мы, прежде всего, сделали попытку выяснить, насколько значима эта группа людей, про которых можно сказать, что у неё интенсивная, актуализированная идентичность, и теперь представим, что это за группа.

Несмотря на то, что в целом этническая солидаризация типа "мы-татары", "мы-русские" распространена как мы видим широко и характерна более чем для 90% респондентов во всех этнических группах, все же доля тех, кто часто себя этнически идентифицирует, кто "никогда не забывает что я – якут (татарин, осетин, русский человек)" больше среди сельских жителей, среди специалистов среднего звена и неквалифицированных работников, среди тех, кого можно отнести к низшему слою среднего класса, и низшему классу. Это чаще всего немолодые люди. Среди саха в группе до 40 лет тех, кто себя часто этнически идентифицирует, - 34%, а среди более старших возрастов – 50%, у татар соответственно – 52 и 58%.

Среди специалистов высшей квалификации у татар, якутов, русских, так себя идентифицирует 39-44%, а среди специалистов средней и низшей квалификации, работников физического труда – 52-70%. Те же тенденции в Оренбуржье. (В готовом тексте приведем таблицы).

Так что акцентированная этничность все же рудимент, но рудимент живой и довольно широко распространенный. Конструирование множественной идентичности (идея В.А. Тишкова) в той среде, которую мы выделили будет слишком сложным, ведь среда общения этих людей и интересы не многообразны. Этническая акцентированность их - чаще всего следствие обиды на социальные беды и результат поиска врага – "козла отпущения". Это та массовая этническая идентичность, которая стимулируется негативизмом. То же самое мы будем констатировать применительно к российской идентичности.

В самом неблагоприятном варианте такая этническая идентичность выражается в готовности к любым средствам действия во имя своей национальности. В нашем опросном листе респондентам предлагалось согласиться или не согласиться с рядом высказываний, в том числе с теми, кто считает, что "любые средства хороши для защиты интересов своего народа". По данным на 1997 г. так считало практически не менее четверти опрошенных (25% татар, 29% осетин, 34% саха, 23-29% русских в республиках). В 1999 г. агрессивная гиперидентичность не уменьшилась. Чаще всего она тоже была характерна для менее благополучного, обездоленного населения. Лечить социальные беды – одно из направлений снятия не только социальной, но и этнической напряженности и гипертрофии этничности.

Но это средство тоже не для всех. Ведь и в более благополучной, образованной среде, в группах мобильного населения, адаптировавшегося к новой жизни от 30 до 40% тоже люди с актуализированной этнической идентичностью. Именно в их среде категоризируется этническая идентичность.

**Категоризация этнической идентичности.
Доминирующие идеологемы**

Категоризация идентичности осуществляется на уровне повседневного восприятия и на идеологическом уровне.

Обыденное повседневное восприятие этнической идентичности изучалось нами через анализ ответов респондентов на вопрос "Что роднит Вас с людьми Вашей национальности?". После предварительного пилотажа нами было внесено в опросный лист несколько наиболее значимых описаний: "язык", "культура/обычай", "природа", "черты характера, психология", "религия", "историческое прошлое", "общая государственность", "внешний облик".

У русских первые четыре места из 8 вариантов описаний занимали язык, культура, природа, историческое прошлое. Первые три символа являются этнообъединяющими и у титульных народов республик. На четвертое место у якутов в 1994 г. поставлены черты характера, в 1999 г. с культурой конкурировал признак – "родная земля, природа", у тувинов (1994 г.) – внешность, у татар – родная земля, природа. Общность исторической судьбы большую значимость имела в Северной Осетии-Алании, для осетин и русских (39% против примерно 30% выборов в других республиках). Сказывалось приграничное расположение республики в условиях попытки сецессии в соседней Чечне и борьбы за объединение с южными осетинами.

В Татарстане число определяющих себя по религиозности выше, чем в других республиках (30% у татар, 28% у русских в республике, при 7% у якутов и 10% у русских в Саха (Якутии). Т.о. в этнокатегоризации вполне отчетливо отражается реальность.

Мы не случайно методологически развели представления (по Московичи) и идеологию. На примере этнокатегоризации видно, что далеко не все задаваемые в идеологии постулаты глубоко осваиваются людьми. Вспомним, как много в литературе говорится о государственности русских, а по государству идентифицируют себя не более 20-25%, причем чуть больше показатели как раз в самой дальней республике Саха (Якутии).

На идеологическом уровне в декларировании ценностей этнической идентичности истории государственности всегда отводится большое значение. Татарские идеологи обращаясь к истории золотоордынского

периода "увеличивают вес" исторических обоснований значимости своего народа. Они дают правовые объяснения непреходящей ценности этничности. В "Сумерках империи" Р.С. Хакимов обосновывает, почему в приоритете прав человека должна присутствовать этническая составляющая: "этничность это часть моих прав как личности".

Самое весомое обоснование этнической идентичности, конечно же, дается через значимость языка для культуры народа, отсюда шли требования государственного языка, без которого невозможно развивать высокую (по Геллнеру) культуру (Д. Исхаков и др.).

В дискурсе о татарской идентичности много внимания уделялось воспоминаниям о распространении образования у татар через медресе, ценности образования в представлении народа. В последние годы в связи с обоснованием введения латинской графики задавалась идея значимости образования на ней для более интенсивного вхождения в мировое информационное поле.

В идеологическом обосновании этничности саха также заметное место уделялось историческому прошлому (жизнь до прихода русских, попытки складывания государственности, поиски археологических памятников, обосновывающих автохтонность саха). Также как у других народов выражалась обеспокоенность потерей языка (отсюда борьба за принятие закона о государственном языке), культуры. Борьба с манкуртизмом выплескивалась на страницы литературы, в прессу и у татар (см. Л. Сагитова) и у саха (У. Винокурова и др.). Особенностью дискурса вокруг якутской идентичности была концентрация тревог за потерю своей особой природы, ресурсов и декларирование "природной толерантности", связанной с суровой природой. (О толерантности якутские идеологи заговорили раньше идеологической компании в связи с объявлением ООН 1995 г. – годом толерантности.)

В Северной Осетии в дискурсе помимо общих для всех других народов идей защиты языка, культуры, как уже говорилось, особое значение придавалось истории в связи с обоснованиями территориальных границ и воссоединения северных и южных осетии.

Идеологическое поле для русской идентичности в республиках складывалось под влиянием как идеологов, формулируемых за пределами республик, так и ассоциированных с тем, что говорилось, писалось идеологами титульных национальностей. Не случайно анализ категоризаций обыденного сознания русских показывает высокое созвучие в выборе ими характеристик своей идентичности с теми народами, в среде которых они живут.

Идеологический накал в обосновании русской идентичности в республиках, конечно, меньше. Русские чаще живут идеями, транслируемыми из Москвы, а в самих республиках той информацией, которая поступает из местных газет оппозиционной направленности по отношению и к центральной и местной власти.

Республиканская идентичность: представления масс и обоснования элиты

Республиканская идентичность у всех титульных народов выше, чем общероссийская, также как впрочем и у русских оренбуржцев, но ниже, чем этническая. Для более 80% татар "образ мы" ассоциируется с "людьми моей национальности", с жителями республики у 67%, с гражданами России у 53% (позже приведем данные в виде графиков по другим изучаемым этническим группам). Обратим внимание на русских в республиках, для которых тоже характерна достаточно высокая ассоциированность с республикой проживания (см. рис. 2). В Татарстане 70% русских чувствуют себя в основном татарстанцами (27,9%) или идентифицируют себя в равной мере с республикой и с Россией. В Саха (Якутии) такая идентификация характерна для более чем 40%.

Республиканская идентичность связана не только с естественной привязанностью большинства людей с местом, где они живут, работают, находятся в повседневном общении с природой, привычными людьми, но также как этническая идентичность с политическими и экономическими интересами. Нам представляется важным разделить и республиканскую идентичность на то, что "важно для души" и "для кармана".

В моих интервью даже с представителями элит нередко встречались совершенно понятные обоснования привязанности к республике. Приведу некоторые высказывания из интервью с молодым бизнесменом – алмазником из Якутска: "Иногда утром просыпаюсь и вспоминаю красоту нашей природы, рыбалку, людей из села, которые учили меня охотиться, хвалили за учебу. Такой ягоды, как у нас не найдешь в других местах, а река, солнце какое! Я учился в Ленинграде, а наши места всегда вспоминаю. Теперь я редко выбираюсь за город, но я знаю, что все это рядом и тут я свой, чтобы со мной не случилось".

Русский преподаватель вуза рассказывал, что его не раз приглашали переехать в Москву (он хороший организатор – Л.Д.) и он объяснял мне, почему он этого не делает: "Знаете, здесь все мое и все меня знают. Идешь по улице, многие здороваются. А потом здесь такая рыбалка, охота – Я без этого уже не могу! Такое чувство, что это моя земля".

В записях интервью встречаются высказывания, которые скорее всего можно описать как гордость за данную республику – "ведь мы богатая республика", "всю страну "кормим", "Какие у нас люди – ученые с мировым именем (называют Сагдеева, Халикова и др.), "у нас образованных людей много". И такие представления есть и в Татарстане и в Саха (Якутии). В Северной Осетии-Алании в интервью доминировал "образ республики" как защитницы интересов России, природно красивой зоны.

Образ республики, естественно, и на обыденном уровне формируется в сопоставлении с другими. "Другим" чаще всего выступает "Центр", "Москва", которая часто принимает неверные решения (разрушили Союз, забирают деньги, ресурсы и т.п.), "заставляли нас делать..." (строить экологически-вредные предприятия, не платя работникам оборонных предприятий – "мы вынуждены платить из местного бюджета", "не дают денег для переезда в другие города России рабочим с закрывающихся приисков" и т.п.).

В республиках сравнение идет также с другими регионами. В Татарстане, Саха (Якутии) сравнивают себя с дотационными республиками, которым "приходится отдавать заработанное нами" (мы

работаем больше, лучше). В Северной Осетии – Алании представления фокусируются на лучших с точки зрения безопасности условиях в других регионах, на враждебности окружения со стороны Ингушетии, Чечни.

В Оренбургской области конечно же сравнивают себя с Башкортостаном и Татарстаном, которые "имеют больше прав", поэтому живут лучше.

Региональная идентичность на массовом уровне поддерживалась большим доверием к местным властям. Когда уровень доверия к Б.Н. Ельцину падал до 10, 6, 4, 2%, рейтинг М.Ш. Шаймиева, М.Е. Николаева всегда был выше - 50-60%. Больше доверяли республиканской власти в 1994 г. не менее 40% осетин, саха, татар и одна пятая часть русских в Татарстане, Саха (Якутии), 11% Северной Осетии, в тоже время больше доверяли общероссийской всего 2-4% русских в республиках (никакой власти не доверяли тогда 20-30% у титульных национальностей и более 30% среди русских).

К 2000 г. в защите своих интересов на власти республики рассчитывало 20% татарстанских русских и татар, 40% саха и 12% русских в Саха (Якутии), а на Российское правительство не более 7-12% респондентов в республиках, а в Оренбургской области – 5%. К 2002 г. уровень доверия к центральной власти вырос, особенно к президенту (его рейтинг доходил до 60 – 70 %), но правительству больше доверяли местному.

В изучавшихся нами республиках уровень региональной идентичности выше, чем в областях (кроме Оренбуржья мы работали в Магаданской обл.). Это связано не только с более широкими правами, которые они имели по Договорам с Центральным правительством и в соответствии с принятыми ими Конституциями и Конституцией РФ (допускающей такие Договора и признающей их символику). Имеет значение исторический шлейф воспоминаний – от причин образования республик (национальные волеизъявления) до их больше символьного, но все же отличного, в сравнении с областями, положения в Советском Союзе, уровень образованности населения, урбанизации. На наш взгляд трудно говорить об этих ресурсах применительно ко всем республикам в

сравнении с областями. Республики, как и области разные, но символический ресурс у республик был выше.

Идеологический уровень региональной идентичности разрабатывался элитой (политической и научной) республик безусловно более масштабно, чем в областях.

Перечислим на данном этапе представления материала основные идеологемы региональных стратегий. В Татарстане наиболее разносторонне декларирована была "Модель Татарстана". Она включала, как известно, не только мирный способ решения этнополитических конфликтов (путь переговоров, который широко представлялся начиная с конференций в Гааге и поездки М.Ш. Шаймиева в США), но и поддержание межэтнического мира в самой республике (поэтому автор назвала татарстанский национализм паритетным (Дробижева... 1996), разработку новой ориентации в экономической политике (уйти от зависимости однонаправленной "нефтяной жилы"), сделать республику "известной в мировом сообществе". В дискурсе татарстанских лидеров все время присутствовали образы: "Мы – татарстанцы", "многонациональный народ Татарстана" Как известно, в Декларации государственный суверенитет в 1990 г. был провозглашен на основании "неотъемлемого права татарской нации, всего народа республики на самоопределение". В Конституции через два года Республика Татарстан названа государством, выражающим "волю и интересы всего многонационального народа республики". Один из ведущих идеологов в Татарстане – Р.С. Хакимов в дискурсе начал формировать общность нации как согражданства. С его же инициативы пропагандируется связь республиканской идентичности с демократическим транзитом: "Националы" выступают за демократизацию в той мере, в какой она предоставляет народам свободу" (Хакимов Р. 1993, с. 37).

Центральной идеей, конечно, была идея суверенитета республики. Он нужен по мотивации элиты для того, чтобы "вхождение в федерацию" было действительно добровольным (Ф. Мухаметшин. 1993), чтобы федерация строилась снизу (Мухаметшин, Хакимов), чтобы была возможность самим распоряжаться ресурсами. Надо сказать, что эти идеи разделялись в 90-х годах довольно широким кругом населения в республике. Отвечая на

вопрос "Какое развитие республики Вам представляется наилучшим: как республики в составе РФ, как суверенного государства в составе РФ или независимого государства?", более 50% горожан и сельских татар, 47% русских в городах и 62% в селах выбрали суверенитет в составе России.

Ставился и более простой и понятный вопрос о том, кто должен распоряжаться "землей, природными ресурсами" (ведь не все понимали, хотя и слышали это слово "суверенитет"). Татары и русские в ответах на него тоже были достаточно солидарны: более 40% русских и татар считали, что право распоряжения должна иметь только республика и еще около 20% татар и более 30% русских были за совместное с Р.Ф. распоряжение ресурсами.

В интервью элит, в прессе звучала идея особого образовательного потенциала республики ("давно были образованным народом"), который позволяет брать на себя больше ответственности, реализовывать масштабные проекты.

Особое место уделяется более модернизированной религии для реализации трансформационных планов. Джадидизм – "открытая религия", "она поощряет к делу и даже накопительству, только надо отдать и мечети для поддержания малоимущих".

В Саха (Якутии) региональная идентичность формировалась прежде всего за счет трех основных стратегических ориентаций:

1. Экономическая самостоятельность должна быть закреплена законодательно (в том числе отношения собственности, форм хозяйствования, финансовой, налоговой, ценовой, инвестиционной политики) (Егоров Е., 1995; Николаев М., 1995).

2. Из поставщика сырья мы должны превратиться в поставщика готовой продукции на базе новых технологий.

3. Закрепить приоритетность аборигенных форм природопользования (Николаев М., 1995).

"Мы выдвинули экономическую самостоятельность республики на первый план" (Николаев М., 1995).

Эти ориентации давали нам основания называть национализм в Саха (Якутии) экономическим (Дробижева Л., 1996).

Элита часто пользовалась солидаризирующим понятием "мы – якутяне". Эта идеология помогала в электоральной борьбе и самому М.Е. Николаеву, и на выборах середины 90-х годов другим этническим идеологам (Винокурова У., 1996; 1998; 1999).

Надо сказать, что и стратегия политики в области образования тоже в основном подчинялась тем же целям. Право республики на распоряжение ресурсами поддерживали более 60% саха и более 40% русских, идеи совместного использования их республикой и РФ в целом 20% саха и 50% русских.

В Северной Осетии-Алании идеологическая база региональной солидарности была беднее и уже. Длительное время она сводилась к обоснованию территориальных притязаний. Идеи суверенитета здесь стимулировались тогда, когда надо было добиться от Москвы поддержки этих притязаний. Но вот сама идея суверенитета внутри России здесь находила в начале 90-х годов даже большую поддержку, чем в других республиках. Судя по материалам интервью, это было следствием не внешней границы и жесткой дистанцированности от Центра, а скорее возложения ответственности на Москву за распад Союза, сожаления о прошлом времени при коммунистах (это "красный регион"), когда "все жили дружно", приписывания ответственности "демократам в Москве" за трудное экономическое положение и боязни дальнейших реформ.

В конце 90-х годов уровень "суверенных притязаний" здесь падал, но недовольство центральным правительством оставалось, что отражалось в электоральном поведении.

Итак, республиканская идентичность имеет внутренние и внешние обоснования. В чем-то она сходна с этнической идентичностью с точки зрения близости и реальности ее восприятия, традиционности ее воображения, большей легкости ее конструирования. Она далеко не всегда и не во всем противостоит формируемой российской идентичности.

Категоризация общероссийской идентичности и возможность ее совместимости с этнической.

В том, что российская государственная идентичность должна утверждаться, согласны специалисты разных научных школ и направлений.

Они расходятся в стратегии и способах её формирования. Это предмет специального историографического анализа (частично он осуществлён мной в книге "Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 80-ых годов" (1996) и в книге "Ethnic Conflict In The Post-Soviet World" (1996)).

Здесь же мне хотелось поделиться прежде всего теми результатами анализа глубинных интервью с элитами о российской идентичности, которые собраны в 1999 г., в сопоставлении с данными массовых опросов, и попытаться представить, находятся ли они в конфронтации с представлениями об этнической идентичности.

Судя по материалам опросов, накануне XXI века на личностном уровне россиянами себя определял не такой уж узкий круг людей - более половины татар и 60 % русских в Татарстане, более 60 % саха и 70 % русских в Саха (Якутии), более 60 % оренбуржцев (в дальнейшем проиллюстрируем, кто и как часто идентифицирует себя как россияне).

В условиях, когда бывшие советские граждане потеряли свою прежнюю страну, затрудняются в описании её реальных географических очертаний (за счёт событий на Северном Кавказе), когда название страны традиционно (и в дореволюционные, и в советские времена) не совпадало с названием этнического большинства (этим мы отличаемся от грузин, эстонцев или латышей), когда поколеблены старые общепринятые для страны ценности, а новые только формируются и ещё не известно, на каком пространстве они должны утвердиться, это не так трагично выглядит. Ведь нашей стране ещё только 10 лет.

Россия - это страна, которую никто не хотел. Авторы трансформации Союза полагали, что будет СНГ. И даже зарубежные "другие" побаивались раскола страны из-за непредсказуемости последствий, неуправляемости территорий со стратегическим оружием. На меня произвёл сильное впечатление образ России, который дал Р. Суни. Он сказал: "Это для меня пока не страна, а мечта".

И все же у большинства населения в стране российская идентичность уже есть. Россиянами чаще себя идентифицируют люди молодого и

среднего возраста.² Это понятно: люди старшего поколения еще нередко чувствуют себя гражданами СССР. С тем периодом у них связана молодость, многие тоскуют по прежней стабильности, привычной в прошлом жизни.

Иное – молодежь, сформировавшаяся в 80–90-е годы, для которой СССР уже история и воспоминания родителей. Среди имеющих российскую идентичность (сравниваются с теми, кто ее не имеет или выбирает местную) чуть больше тех, кто удовлетворен работой, у кого положение на работе за последнее время улучшилось, кто выбирает позицию "жить трудно, но можно терпеть" и "все не так плохо, и жить можно". Среди них, естественно, больше тех, кто "часто", а не "иногда" идентифицирует себя "со всеми гражданами России", но не больше тех, кому нравятся русские националисты и кто "чувствует себя близко" с ними (3–8% по всем массивам).³

Есть проблемная ситуация: часть русских в регионах (15–30%) и титульных национальностей в республиках (более 50% башкир, около 60% татар и еще большая доля саха) чувствовали себя в основном башкортостанцами, татарстанцами, якутянами. Среди них могли быть и люди, которые вообще чаще живут локальными интересами и представлениями, и те, кто разочаровался в "Центре", и те, у кого просто пока не сформировалась новая российская идентичность (т.е. это не обязательно люди, противопоставляющие себя россиянам, не лояльные граждане).

Среди национальностей, дающих название республикам, чаще фиксируется сдвоенная идентичность. Например, среди татар *больше* людей, чувствующих себя татарстанцами, почти 50% ощущают себя также и россиянами, а четверть вообще чувствуют себя *в равной мере* татарстанцами и россиянами. К тому же люди, которые имели слабую государственную идентичность или не имели ее совсем, не обязательно сепаратисты или враждебно настроены к государству. Их этническая или

² В возрасте до 25 лет 92% русских в Саха (Якутии) и 70% в Оренбуржье идентифицировали себя больше как россияне, а в возрасте старше 50 лет, соответственно, 72 и 62%.

³ Данные 1999 г. подтверждены опросами 2002 г.

республиканская идентичность могла быть ближе им по культурным, этическим параметрам и, что, видимо, особенно важно – по их непосредственным интересам.

Образ россиян, в какой-то мере фиксируемый в ходе массовых опросов, основывается на агрегированных показателях взглядов на страну, на то, какой ее хотят видеть граждане. Эти показатели не вскрывают всей сложности и внутренней разнородности содержания, которое несет в себе этот образ. Поэтому мы попытаемся совместить их с материалами глубинных интервью с теми людьми, которые и конструируют этот образ или транслируют его в массы – с представителями элит.

В их описаниях образа России, с которым они себя идентифицируют, присутствует несколько составляющих.

Прежде всего, цивилизационное определение России – страна европейская или страна между Востоком и Западом ("мы все же страна западной цивилизации", "мы – евразийцы"). Несколько раз было употреблено определение "российская цивилизация". Наполнение этих определений идет обычно за счет набора присущих людям нашей страны экономических, социально-культурных ценностей в сопоставлении с Западом или Востоком: передовая; отстающая; модернизирующаяся; европейская; богатая ресурсами, людьми; "блоху подкуем"; "освоили космос"; "если не потеряли бы от войн, революции, были бы передовой страной"; "нам есть чем гордиться"; "имеем культурное наследие, признаваемое всем миром"; а в качестве противопоставления Западу идет: "мы – больше азиаты", "не бережем ресурсы", "достигаем штурмом", "не хватает культуры", "нужна палка, дисциплина".

Набор описаний часто связан с историческими именами от Петра I, Столыпина до Ленина, Сталина, Хрущева, Брежнева и Горбачева с Ельциным. С цивилизационными определениями сочетаются и раздумья о том, в каком направлении должно идти развитие. Среди интервью не было ни одного, в котором бы звучала идея вернуться в советское прошлое, хотя среди респондентов были и коммунисты, и представители оппозиционных партий.

Никто не назвал желаемой перспективой капитализм. Это примечательно: никто не оперировал этим понятием, но почти все использовали определения "Запад", "американцы", "как Америка", "как в Европе". Чаще всего Россия, которую хотели бы видеть, – это страна с преимуществами Запада ("благополучно живущее большинство населения", "рациональное использование ресурсов", "порядок в организации труда"), но отличная от него ("у нас свои ценности", "общество должно быть более справедливым", "не должно быть бедных", "не допускать свободы порнографии", "сохранить культуру" – в это вкладывается обычно протест против примитивизма массовой культуры, считающейся западной).

В целом, из этих описаний формируется доминирующий образ россиян как людей, живущих в стране постоянно догоняющего развития. Но, поскольку это задевает самолюбие думающих людей, конструируется образ – мы отличная (не загадочная, а какая-то особая), другая страна. При этом никто не дал названия того общества, которое будет в обновленной России.

Одна из ведущих черт образа – внешнеполитическая составляющая: отношения с западными странами, НАТО, проблематика стратегии, которой мы должны придерживаться ("дружба" или "изоляция", "наступать" или "встраиваться", "защищать границы", не распродавать богатства). Запад привлекателен и угрожающ одновременно. Доминирует в определении желаемого образа все же Россия с политикой прагматизма. Большая или меньшая настороженность к Западу и к Востоку сочетается с надеждой на развитие сотрудничества во имя экономического благополучия и сохранения мира ("избежать риска", "не допустить конфликтов" и т.п.).

Внутренняя составляющая образа соединяет представления о большой, богатой ресурсами стране, с культурным наследием, которым гордятся, с представлениями о попоранном достоинстве, потерях и ущербах от революции, войн, неразумной перестройки (комплекс неполноценности).

В этих внутренних описаниях значительное место занимает "образ врага" ("давит Запад", "приехало много мигрантов", "не перевариваем

нахлынувших из Китая, Вьетнама, с Кавказа" и т.п.). Негативная эмоциональная подпитка образа звучала в большинстве интервью. Именно она стимулирует оборонные, а иногда и агрессивные ориентации.

В целом тот образ россиян, который улавливается в элитных интервью, ближе всего к тому типу, который А.Н. Малинкин на основе анализа дискурса в литературе определил как центристский.

Наши элитные респонденты были определены на основе ответов в массовых интервью, полученных по репрезентативной выборке. Стоял вопрос: "Кто, с Вашей точки зрения, лучше других выражает сейчас интересы людей Вашей национальности?". Следовательно, можно полагать, что они в значительной мере отражают то мнение, с которым солидаризируется большинство наших граждан. Конечно, в каждом конкретном регионе, в зависимости от особенностей обстановки, могут быть отклонения от этих мнений. Но в целом субъекты Федерации, в которых мы работали, репрезентируют общую ситуацию в стране и ее разнообразие (исключая Северный Кавказ, хотя в Северной Осетии – Алании сравнительные исследования проводились в 1994 и 1997 гг.).

Выводы на основе элитных интервью коррелируют с данными массовых опросов и дополняют их.

В разных регионах и этнических группах сохраняется общегосударственная патриотическая ориентация. Свыше 60–70% в 1999 г. и в 2002 г. русских, татар, якутов, башкир считали, что "даже для спасения экономики России нельзя распродавать ее природные богатства".

Однако государственный патриотизм в основном был взвешенным, умеренным. Об укреплении военной мощи россияне слышали часто по радио, телевидению, но с мнением о том, что "для сохранения военной мощи Российской Федерации можно идти на снижение жизненного уровня", соглашалось менее 10% в республиках и Оренбургской области.

Российскость не стала доминирующе этноцентричной. Около 60% русских в республиках было согласно с мнением: "Российское правительство должно делать больше для обеспечения прав национальных меньшинств". И это в условиях, когда антикавказские настроения отнюдь не снижались. С мнением, что "Россия должна быть для русских", в

республиках солидаризировалось не более 20% русских. Правда, в целом по России, по данным ВЦИОМ, осенью 2001 г. лозунг "Россия для русских" полностью или с оговорками поддерживало 58%.⁴

Данные говорят о том, что государственный ультрапатриотизм чаще свойствен политикам популистского толка, чем населению. Но, конечно, и 20% людей с этнодоминирующими установками в государственной политике в республиках и еще больше в целом в стране – почва достаточная, чтобы разворачивать идеи А. Проханова, А. Дугина, созвучные с ориентациями "новых правых" в Австрии, Франции, Германии. Идеи этнодоминирования в республиках у титульных национальностей также распространены, что создает опасность межнациональной конфронтации.

В таких ситуациях важно, какие идеи являются не разъединяющими, а объединяющими. Одну из них мы уже назвали: это защитная идея – сохранение в стране ресурсов. Другая – осторожные отношения с Западом. Большинство и русских, и титульных национальностей едины в отношении к Западу, согласны с тем, что "Запад нам оказывает экономическую помощь, чтобы поставить нашу страну в зависимость". В то же время это не изоляционизм. Более трети респондентов расширение отношений с Западом оценивали положительно, а 40–50% – видели в этом и положительное и отрицательное. В путинский период это соотношение в худшую сторону не менялось.

Таким образом, массовое общественное мнение в целом ближе к центристскому типу российской идентичности. Устойчиво сохраняется психологическое чувство ущерба, потерь. Практически половина и русских, и люди других национальностей полагают, что теряют самобытность культуры.

Считается, что ощущения потери, ущерба сплачивают общность. Но сплочение на такой основе непродуктивно, и к тому же каждый народ в потере культурной самобытности винит "других". Этими другими выступают для всех "Запад" или "советская власть", но для нерусских вина нередко возлагается на доминирующий, русский народ.

⁴ Левада Ю. В какие игры играют толпы // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. М., 2002. № 4. С. 60.

Позитивные, объединяющие общероссийские ценности еще предстоит утверждать. Их давно ищут политики, идеологи, и нельзя сказать, что успешно. Не исключено, что это будут обычные повседневные ценности – достатка, стабильности, безопасности, справедливости. Именно такая ситуация заставляет, на наш взгляд, ставить вопрос – "стоит ли противопоставлять этническую, этнонациональную и общероссийскую идентичность?".

Этничность и российскость: противостояние или взаимодополнительность?

Как мы видели из приведенного материала, когнитивное наполнение российской идентичности в чем-то не совпадает, а в чем-то не совпадает с этнической. Этническая идентичность в основном базируется на языке, культуре, национальности родителей, историческом прошлом, территории. Российская идентичность – на месте страны в мире, геополитическом пространстве, цивилизационном развитии, на представлениях о ресурсах страны, достижениях в культуре, исторической общности. Содержание той и другой идентичности не противопоставляет их, не взаимоисключает, а способно дополнять друг друга. Это дает нам основание говорить о совместимости этих идентичностей, о важности акцентировать такое представление. Но эта совместимость возможна при определенных условиях идентификационных режимов. Всего их может быть пять (рис. 1). Народы, о которых шла речь в тексте, размещаются в первом и частично (осетины) во втором, а российская общность (сообщество) – в пятом. В ней происходит транзит в направлении постепенного принятия группой.

Для того чтобы произошло совмещение государственной и этнической идентичностей, государство должно выстроить систему отношений, основанную на взаимопонимании и доверии. В стране, где русские составляют доминирующее большинство, государственная идентичность не может не базироваться на этнической идентичности этого большинства. Но такая тенденция приводит к тому, что общероссийская

идентичность обязана стать привлекательной для других народов России, соответствовать также и их интересам.

Этнонациональное и российское самосознание совместимы и пересекаются в том случае, если и то и другое в пределах нормы. Нормальной этнической идентичностью мы считаем ту, при которой образ своего народа воспринимается как положительный, отношение к его культуре, истории благоприятное (что не отрицает критики каких-то их сторон), имеет место естественный патриотизм (не переходящий в фаворитизм) и толерантные установки на общение с другими народами, людьми других национальностей, понимание их вклада в историю.⁵

При нормальной этнической идентичности люди могут испытывать разную потребность в ассоциированности с этнической группой и иметь разный уровень консолидированности с ней. Это зависит как от типа личности (у каждого из нас разная потребность в сопричастности, аффилиации с группой, различны чувства эмпатии, сопереживания), так и от ситуации (есть ли какая-то заинтересованность в этнической солидарности, страхи, потребность уйти от унификации и др.). Но именно то, что они открыты для общения с другими этническими группами, толерантны к ним, не создает препятствий для общероссийской солидаризации. Уважение к своему народу, его культуре создает возможность для понимания подобных чувств у "других".

В свою очередь, признание прав и интересов "других" и есть основа мультикультурного общества в стране. Не этнический нигилизм и этнокультурная гомогенность, а интеграция на основе взаимодополняющих и совмещающихся ценностей, представляющих общие интересы. При такой модели общества каждый народ, этническая группа становятся заинтересованными в консолидированном государстве. Его преуспевание, стабильность, признание в мировом сообществе представляют общеэтнические интересы, а общечеловеческие ценности – семья, дети, благополучие, справедливость и свободы – разделяются большинством. Именно такую ситуацию и фиксируют социологические исследования – у

⁵ Выделение типов идентичности дано нами в книге [19] Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов. М., 1995.

значительной части населения этническая идентичность и российская совмещаются.

Нам не кажется, что для общероссийской солидаризации нужно искать какую-то "национальную идею". Подобные призывы пока никакого успеха не принесли. Для России в начале XXI века важно было то, что декларировал В.В. Путин накануне президентских выборов: никакой "государственной официальной идеологии" восстанавливать в России не нужно, "не должно быть принудительного гражданского согласия. Любое общественное согласие... может быть только добровольным" [20, с. 4]. Но стратегия развития для страны, для консолидации российских граждан целесообразна. Если лидер страны подтверждает, что достойное будущее будет достигаться за счет универсальных принципов рыночной экономики и демократии, соединенных с реальностями России [20, с. 4], это – определенный ориентир для новой российской идентичности. Естественно, совмещение и пересечение этнической идентичности с общероссийской будет успешным тогда, когда последняя не претендует на доминирование и подчинение себе. Подпитывать российскую этническую идентичность русских, так же как и всех других народов страны, может в том случае, если не принимает гипертрофированные формы.

Этноцентричная идентичность труднее совмещается с общегосударственной идентичностью, если она акцентирует безусловное не критическое предпочтение этничности ее⁶, а не является точкой отсчета для восприятия другой культуры. Среди респондентов, которые выбрали позицию "Я никогда не забываю о том, что я русский (татарин, башкир...)", практически вдвое меньше тех, кто чувствует себя россиянами или имеют сдвоенную российскую и региональную идентичность.

Тем более, несовместим с российской идентичностью этнодоминирующий тип идентичности, ибо в этом варианте этничность становится для людей, группы первостепенной, главенствующей ценностью ("Мы все только клетки одного великого организма" [21, с. 4], "Кто не с

⁶ В когнитивной сфере при таком типе идентичности разделяются лозунги: "Все для нации, ничего против нации", заявления: "Все средства хороши для защиты интересов моего народа", в эмоциональной – страх, беспокойство, напряженность.

нами – тот против нас"), права народа признаются выше прав личности, представление о превосходстве своего народа сопровождается дискриминационными установками в отношении других этнических групп. В бытовом восприятии россиян именно такая идентичность ассоциируется обычно с национализмом.

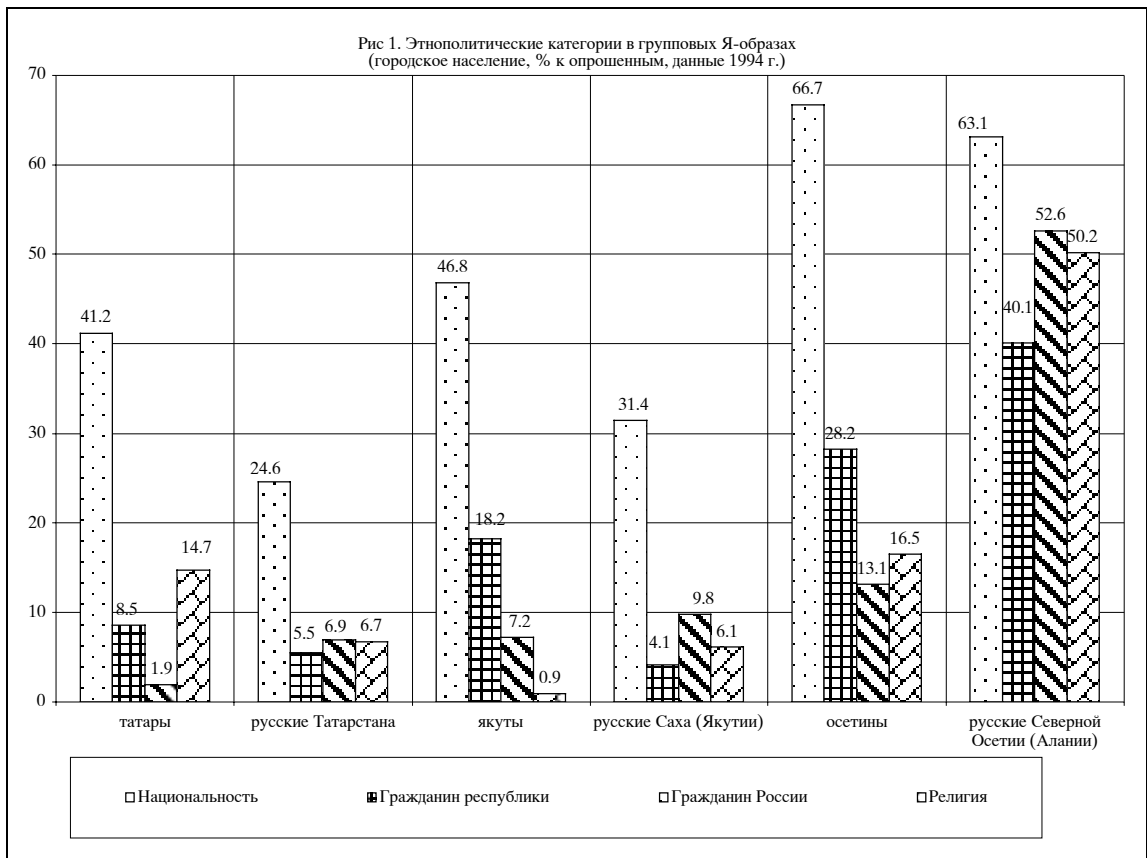
Несовместим с гражданской, государственной идентичностью и этнофанатизм – крайняя форма гиперидентичности, когда люди готовы идти на любые жертвы и действия, вплоть до терроризма.

Однако как гипертрофированная этническая идентичность несовместима с общероссийской, так и гипертрофированная государственная идеология и идентичность способны пугать и отталкивать граждан собственной страны и станут непривлекательными для народов, ее населяющих.

Российская идентичность, как мы видели, уже не проект и не мечта, а реальность. Несмотря на сохраняющийся высокий уровень и интенсивность этнической идентичности, новая российская идентичность со временем (пока идет привыкание к названию, символам, масштабам, территории) и по мере укрепления доверия к стратегии президента, к действиям центральных властей будет укрепляться.

Российская идентичность так же, как и этническая, – это процесс и поле социальных, этнокультурных, цивилизационных сетевых взаимодействий. От социальных ресурсов субъектов, действующих в этом поле, будет зависеть направление развития – совмещение, замещение или расхождение этих идентичностей.

В последние годы мы являемся свидетелями укрепления государства, федерального центра, что дает основание прогнозировать тенденцию усиления и общероссийской государственной идентичности. Однако это еще не гражданское самосознание. Когда интересы и права граждан, независимо от национальности, защищены государством, а институты гражданского общества ведут диалог с государством от имени конкретных групп, сообществ, тогда только можно надеяться на гибкую и прочную общероссийскую консолидацию, соответствующую реалиям современного общества.

Идентификационные режимы

1

Государство – **да** (татары)
 Общество – **да**
 Группа – **да**

2

Государство – **нет** (лица кавказской
 Общество – **да** национальности)
 Группа – **нет**

3

Государство – **нет** (казаки)
 Общество – **нет**
 Группа – **да**

4

Государство – **нет** (кланы)
 Общество – **да**
 Группа – **да**

5

Государство – **да** (россияне 1990-91 гг.)
 Общество – **да**
 Группа – **нет**